

<https://isralike.org/2016/09/04/%D1%81%D0%BC%D0%B5%D1%80%D1%82%D1%8C-%D0%BF%D0%BE-%D0%B6%D1%80%D0%B5%D0%B1%D0%B8%D1%8E/>

Смерть по жребию

Posted on [Сентябрь 4, 2016](#) by [dimok666](#)

31 августа исполнилось 75 лет со дня самосожжения евреев города Мозыря

Это был последний день лета и последний день жизни. 31 августа 1941 года, девять дней оккупации. Белорусский Мозырь в 41-м еще не был невзрачным гомельским райцентром и уже не был милым дореволюционным еврейским местечком. Мозырь был областным центром — тогда в БССР существовала Полесская область. Немцы заняли город 22 августа. А 31 августа он стал новой Масадой.

31 августа 1941 года, в воскресенье, несколько еврейских семей собрались в доме № 19 на улице Пушкина. Там жили Гофштейны. Что делают немцы с евреями в оккупированных городах, все они уже знали. Многие польские евреи успели сбежать на восток осенью 1939 года и оказались в белорусских

и украинских городах. А 24 августа всесоюзное радио транслировало митинг еврейской общественности. И великий актер Соломон Михоэлс, уже после войны убитый НКВД в Минске, рассказывал по радио, что рейх собирается уничтожить весь еврейский народ. Рассчитывать, что немцы обойдутся «куркой, млеком, яйком», было невозможно.

В доме Гофштейнов собрались Гутманы, Зарецкие, Гофманы, Домнич, Рогинские — сейчас известно уже 32 имени. Жители Мозыря, пережившие оккупацию (евреев среди них не было: те, кто не сбежал и не поджег себя, были уничтожены в местном гетто), рассказывали, что всего в том доме было то ли 37, то ли 40 человек. Вспомнили предков и решили, что уж лучше умереть по собственной воле, как в Масаде. А значит, нужно, как в Масаде, бросить жребий. Одному из них придется облить керосином дом, зажечь спичку и бросить ее. Одному из них нужно это сделать, как сделали предки, чтобы не сдать римлянам. Один из них обязан не отдать их всех новым римлянам. Сгореть должны все: от шестилетнего Шлёмы Гофштейна до 81-летнего почтенного Ниселя Гутмана.

Жребий выпал 19-летней Соше Гофштейн. Она подожгла дом. Евреи горели с молитвенниками в руках. Они сделали выбор. Остальных спустя несколько дней согнали в Ромашов Ров в гетто и постепенно, «под настроение», небольшими партиями убивали. Последний узник гетто был убит 7 января 1942 года.

На том месте остался только фундамент. Никто после войны не хотел там строить дом. А если приезжал неместный и готов был там поселиться — ему рассказывали, что произошло в доме № 19 на улице Пушкина в 41-м. И новосел предпочитал искать что-нибудь другое. Тем более что в местном краеведческом музее была экспозиция, посвященная самосожжению мозырских евреев с указанием места.

А потом экспозицию убрали, как будто ничего и не было. И четыре десятка лет эта история была будто бы легендой. А в 90-е внук Ниселя Гутмана Яков, живший к тому времени в Нью-Йорке, начал борьбу за память деда и еще нескольких десятков еврейских героев и решил увековечить белорусскую Масаду. В 2003 году он привез в Мозырь валун с мемориальной доской. На этой доске на иврите, по-английски и по-белорусски было написано: «Белорусская Масада. На этом месте будет установлен памятник мозырским евреям, которые совершили самосожжение 31 августа 1941 года. Они посчитали лучшим умереть, чем покориться врагу. Всемирная ассоциация белорусских евреев. Проект сохранения еврейского наследия в Восточной Европе».

Через месяц камень убрали по решению мозырского исполкома. А через семь лет, после долгой переписки с Яковом Гутманом и еврейскими

общественными организациями, после писем Александру Лукашенко от мэра израильского Ашдода, где один из парков назван именем героев Мозыря, — все-таки установили свой, одобренный камень, с политкорректной надписью: «Место самосожжения мирных жителей г. Мозыря в 1941 году». Ну да, слово «еврей» советским и постсоветским чиновникам почему-то всегда кажется не очень приличным. Его будто бы вслух произносить нельзя. Так что пусть будут просто мирными жителями.

Но Яков Гутман не утомился. И пять лет назад, накануне 70-летия трагедии, местные власти установили новый камень, где написано, что на этом месте вознеслись в небеса души мозырских евреев, погибших в самосожжении. Про самого Гутмана говорили: ну это же не дело — по собственному желанию памятники устанавливать, эдак каждый начнет валуны с надписями ставить где хочет.

Нет, как раз это — дело. Потому что если бы не внук Ниселя Гутмана, с 1995 года обивавший пороги чиновничьих кабинетов, если бы не его «самоуправство», никакого памятного знака на месте белорусской Масады не было бы до сих пор. А спустя еще пару десятков лет и местные бы забыли, что Мозырь — это Масада XX века. Так положено. Сын читает Кадиш усопших в память о покойном отце в течение 11 месяцев со дня его смерти. Поминальную молитву Изкор читают в память об ушедших родственниках четыре раза в году. А бьются в стены и двери, чтобы увековечить память родных-героев, — до последнего. Хоть бы и всю жизнь. Пока не добьются.